

## Интересы публичного порядка и алгоритм определения права, подлежащего применению к частноправовым отношениям, осложненным иностранным элементом

**Аннотация.** Исследование содержит пошаговый алгоритм определения права, применимого к частным трансграничным правоотношениям. Алгоритм разработан на основе законодательства, правоприменительной практики и доктрины. Исходным правилом последовательного выполнения этапов (шагов) алгоритма является механизм, при котором определение применимого к правоотношению права на одном из этапов исключает последующие этапы алгоритма. Интересы публичного порядка диктуют правила определения права, подлежащего применению к частноправовым отношениям, осложненным иностранным элементом. Этот процесс в Российской Федерации регулируется на основе установления законодателем и правоприменителем наиболее тесной связи интересов коллидирующих публичных порядков (правопорядков) с элементами трансграничного правоотношения. На первом, втором и третьем этапах алгоритма доминируют интересы отечественного публичного порядка (правопорядка). На четвертом этапе алгоритма публичные интересы в части, не урегулированной сверхимперативными нормами, соотносятся с соглашением сторон о выборе применимого права. На пятом — восьмом этапах алгоритма правоприменитель руководствуется правилами, установленными законодателем на основе учета коллидирующих в трансграничных правоотношениях интересов публичных порядков. На последнем, девятом этапе алгоритма применимое право устанавливается судьей на основе наиболее тесной связи интересов публичных порядков (правопорядков) с элементами трансграничного правоотношения.

**Ключевые слова:** международное частное право; алгоритм определения права; частное трансграничное правоотношение; публичный интерес; принципы права; сверхимперативные нормы; публичный порядок (правопорядок); наиболее тесная связь; применимое право; территориальные контакты.

**Для цитирования:** Шулаков А. А. Интересы публичного порядка и алгоритм определения права, подлежащего применению к частноправовым отношениям, осложненным иностранным элементом // Актуальные проблемы российского права. — 2021. — Т. 16. — № 4. — С. 184–192. — DOI: 10.17803/1994-1471.2021.125.4.184-192.

---

© Шулаков А. А., 2021

\* Шулаков Андрей Анатольевич, кандидат юридических наук, доцент кафедры международного частного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993 aashulakov@msal.ru

## Public Policy Interests and Algorithm for Determining the Law Applicable to Private Law Relations Complicated by a Foreign Element

**Andrey A. Shulakov**, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Department of Private International Law,  
Kutafin Moscow State Law University (MSAL)  
ul. Sadovaya-Kudrinskaya, d. 9, Moscow, Russia, 125993  
aashulakov@msal.ru

**Abstract.** The study contains a step-by-step algorithm for determining the law applicable to private cross-border legal relations. The algorithm is developed based on legislation, law enforcement practice and doctrine. The initial rule of the sequential execution of the stages (steps) of the algorithm is a mechanism in which the determination of the law applicable to the legal relationship at one of the stages excludes the subsequent stages of the algorithm. Public policy interests dictate the rules for determining the law to be applied to private law relations complicated by a foreign element. The establishment by the legislator and law enforcement officer of the closest connection between the interests of conflicting public orders (legal orders) with elements of cross-border legal relations is the basis for the process regulation in the Russian Federation. At the first, second and third stages of the algorithm, the interests of the domestic public order (law and order) dominate. At the fourth stage of the algorithm, public interests in the part not regulated by super imperative norms are correlated with the agreement of the parties on the choice of the applicable law. At the fifth — eighth stages of the algorithm, the law enforcement officer is guided by the rules established by the legislator taking into account the interests of public orders that are conflicting in cross-border legal relations. At the last, ninth stage of the algorithm, the applicable law is established by the judge based on the closest connection between the interests of public order (law and order) with elements of cross-border legal relations.

**Keywords:** private international law; algorithm for determining the law; private cross-border legal relationship; public interest; principles of law; over-imperative norms; public order (law and order); closest connection; applicable law; territorial contacts.

**Cite as:** Shulakov AA. Interesy publichnogo poryadka i algoritm opredeleniya prava, podlezhashchego primeneniyu k chastnopravovym otnosheniyam, oslozhnennym inostrannym elementom [Public Policy Interests and Algorithm for Determining the Law Applicable to Private Law Relations Complicated by a Foreign Element]. *Aktualnye problemy rossiyskogo prava*. 2021;16(4):184-192. DOI: 10.17803/1994-1471.2021.125.4.184-192. (In Russ., abstract in Eng.).

**П**равила разд. VI «Международное частное право» Гражданского кодекса РФ, правоприменительная практика и доктрина позволяют выделить последовательность действий, направленных на определение права, подлежащего применению к частноправовым отношениям, осложненным иностранным элементом, иными словами — алгоритм определения права, применимого к частным трансграничным правоотношениям. Указанный алгоритм зависит от иерархии юридических норм, установленных в разд. VI ГК РФ. Исходным правилом последовательного выполнения этапов (шагов) такого алгоритма является механизм, при котором определение применимого к правоотношению права на одном из

этапов исключает последующие этапы алгоритма.

Рассмотрим этапы (шаги) этого алгоритма.

### **Этап 1. Нормы непосредственного применения (сверхимперативные нормы) законодательства Российской Федерации (п. 1 ст. 1192 ГК РФ — позитивная оговорка о публичном порядке РФ)**

Первоочередный, приоритетный порядок применения обязательных для российского правоприменителя норм непосредственного применения установлен законодателем в п. 1 ст. 1192 ГК РФ. В соответствии с нормой указанной статьи, правила разд. VI ГК РФ не затрагивают действия норм непосредственного

применения, регулирующих соответствующие отношения независимо от подлежащего применению права.

Важно отметить, что правило о сверхимперативных нормах, ограничивающих пределы применения иностранного права, выявленное еще Ф. К. Савиньи, является аксиомой международного частного права. Впервые точное свое воплощение оно получило в ст. 30 Германского гражданского уложения 1896 г.: «Применение иностранных законов исключается, если их применение противоречило бы добрым нравам или цели германского закона». Сходная оговорка, указывающая на «законы» и «добрые нравы» фигурирует и в ст. 6 Гражданского кодекса Франции 1804 г.

Первое правило, по которому судья должен в трансграничных частных правоотношениях применять в первую очередь сверхимперативные нормы страны суда (*позитивного права*), получило в доктрине название «наступательной» оговорки, или *позитивной оговорки о публичном порядке*. Второе правило, в соответствии с которым судья обязан исключить применение иностранного права, противоречащего «добрым нравам», стали именовать в доктрине вначале «отрицательной» или «оборонительной» оговоркой, а затем *негативной оговоркой о публичном порядке*<sup>1</sup>.

Очередность правовых актов, указанная в п. 1 ст. 1186 ГК РФ, не затрагивает приоритетное действие норм непосредственного применения / сверхимперативных норм (п. 1 ст. 1192 ГК РФ).

Предлог «или» разделяет в п. 1 ст. 1192 ГК РФ нормы непосредственного применения на две группы. К первой группе относятся конкретные императивные материальные нормы, на сверхимперативность которых в частных трансграничных правоотношениях прямо указано законодателем. Ко второй группе — нормы, сверхимперативность которых для указанных отношений определяет уже не законодатель, а

правоприменитель. Законодатель устанавливает лишь критерий таких норм — «особое значение, в том числе для обеспечения прав и охраняемых законом интересов».

К числу конкретных императивных материальных норм, сверхимперативность которых в трансграничных отношениях установлена в законодательстве, постановление Пленума Верховного Суда РФ от 09.07.2019 № 24 «О применении норм международного частного права судами Российской Федерации»<sup>2</sup> (далее — Постановление Пленума Верховного Суда РФ № 24 (2019)) относит, в частности, положения п. 2 ст. 414 Кодекса торгового мореплавания РФ (КТМ РФ), п. 2 ст. 156 Семейного кодекса РФ (СК РФ) и др. Еще одним примером таких сверхимперативных норм является правило п. 1 ст. 165 СК РФ, устанавливающее в целях защиты интересов российских детей при усыновлении их иностранцами и апатридами непосредственное (первоочередное) применение норм ст. 124–133 СК РФ.

К нормам, сверхимперативность которых для трансграничных отношений в связи с их особым значением определяет правоприменитель, Верховный Суд РФ относит нормы непосредственного применения, имеющие своей «основной целью защиту публичного интереса, связанного с основами построения экономической, политической или правовой системы государства». Сходный подход установлен и в ст. 9 Регламента (ЕС) № 593/2008 «О праве, подлежащем применению к договорным обязательствам («Рим I»)»<sup>3</sup>. К сверхимперативным нормам («преобладающим императивным положениям») Регламент «Рим I» относит нормы, имеющие принципиальное значение для охраны публичных интересов, устанавливающих ее политическое, социальное или экономическое устройство страны. Главным отличием европейского подхода от российского является закрепление Регламентом «Рим I» в триаде публичных интересов вкупе с политическим и

<sup>1</sup> Раппе Л. Международное частное право. М. : Иностранная литература, 1960. С. 98–99.

<sup>2</sup> Бюллетень Верховного Суда РФ. 2019. № 10.

<sup>3</sup> Regulation (EC) No 593/2008 of the European Parliament and of the Council of 17 June 2008 on the law applicable to contractual obligations (Rome I) // Official Journal of the European Union L 177. 04.07.2008. P. 6.

экономическим не правового, а социального критерия — интересов, имеющих значение для *социального устройства* (брак, семья, социальное обеспечение и др.).

Указанные в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ № 24 (2019) *публичные интересы*, защищаемые нормами непосредственного применения, в информационном письме Президиума ВАС РФ № 156<sup>4</sup> фигурируют как *фундаментальные правовые начала (принципы)*, закрепленные в том числе и сверхимперативными нормами (ст. 1192 ГК РФ), входящими в состав публичного порядка. В число таких правовых начал (принципов), в частности, относится запрет на совершение действий, прямо запрещенных сверхимперативными нормами законодательства Российской Федерации (ст. 1192 ГК РФ), если этими действиями наносится ущерб суверенитету или безопасности государства, затрагиваются интересы больших социальных групп, нарушаются конституционные права и свободы частных лиц.

К числу самых важных *публичных интересов (конституционно значимых ценностей)* Конституционный Суд РФ относит шесть ценностей, закрепленных в ч. 3 ст. 55 Конституции РФ на основе ст. 29 Всеобщей декларации прав человека: *основы конституционного строя, нравственность, здоровье, права и законные интересы других лиц, обеспечение обороны страны и безопасности государства*<sup>5</sup>.

Указанные в Конституции публичные интересы / конституционно значимые ценности, в частности, закреплены в качестве *основных начал* гражданского (п. 2 ст. 1 ГК РФ) и семейного (п. 4 ст. 1 СК РФ) законодательства России. Фигурирование (наличие) в содержании императивных норм российского законодательства

указанных выше публичных интересов, являющихся конституционно значимыми ценностями, дает возможность судье применять такие нормы в качестве сверхимперативных. В частности, по вопросам, связанным с международным усыновлением, судья может применять в качестве сверхимперативных норм нормы ст. 1, 63, 65, 66 СК РФ, правила которых указывают на публичный интерес / ценность «защиты нравственности».

## **Этап 2. Оговорка о публичном порядке (ст. 1193 ГК РФ — негативная оговорка о публичном порядке РФ)**

В Постановлении Пленума Верховного Суда РФ № 24 (2019), со ссылкой на ч. 1 ст. 1193 ГК РФ и ст. 167 СК РФ, указано, что суд в исключительных случаях не применяет норму иностранного права, несмотря на то, что на ее применение указывает соглашение сторон о выборе применимого права, коллизионные нормы международных договоров или законодательства РФ. Это происходит в тех случаях, когда *последствия* применения такой иностранной нормы явно противоречат основам правопорядка (публичному порядку). В этом случае *при необходимости* применяется соответствующая норма российского права (ст. 1193 ГК РФ).

Защита основ правопорядка (публичного порядка) РФ не исчерпывается только нормами права, указанными в п. 1 ст. 1192 «Нормы непосредственного применения» ГК РФ. Невозможно априори определить и заранее включить в законодательство все нормы, защищающие публичный порядок страны от негативных последствий применения иностранного права. В связи с этим доктрина в состав основ правопорядка (публичного порядка) включает не только элементы,

<sup>4</sup> Информационное письмо Президиума ВАС РФ от 26.02.2013 № 156 «Обзор практики рассмотрения арбитражными судами дел о применении оговорки о публичном порядке как основания отказа в признании и приведении в исполнение иностранных судебных и арбитражных решений» // Вестник ВАС РФ. 2013. № 5. С. 154.

<sup>5</sup> Постановление Конституционного Суда РФ от 30.10.2003 № 15-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений Федерального закона “Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации” в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы и жалобами граждан С. А. Бунтмана, К. А. Катаняна и К. С. Рожкова» // СЗ РФ. 2003. № 44. Ст. 4358.

закрепленные в нормах права, но и общепринятые принципы морали<sup>6</sup>. В этой связи, как указано выше, законодатель включает в механизм защиты публичного порядка помимо норм законодательства (позитивного права) и указание на «добрые нравы».

В силу разделительного доказательства (метода исключения) к позитивной оговорке ст. 1192 ГК РФ необходимо относить только нормы права, установленные в законодательстве.

Защита основ публичного порядка по ст. 1993 ГК РФ базируется на других видах социальных норм. В российской правоприменительной практике указано, что основы правопорядка (ст. 1193 ГК РФ) «*включают в себя помимо основ морали, главных религиозных постулатов, главных экономических и культурных традиций, сформировавших российское гражданское общество, также и основополагающие принципы российского права*»<sup>7</sup>.

Вместе с тем включение правоприменительной практикой в состав защитных средств ст. 1993 ГК РФ «*основополагающих принципов российского права*» не является точным. Указанные принципы должны ограничивать применение иностранного права уже в рамках ст. 1192 ГК РФ, поскольку все предписания-принципы в соответствии с письмом Минюста России от 23.02.2000 № 1187-ЭР «О Рекомендациях по подготовке и оформлению проектов федеральных законов» должны быть закреплены в нормах права, т.е. установлены законодателем<sup>8</sup>. На применение фундаментальных правовых начал (принципов), закрепленных сверхимперативными нормами ст. 1192 ГК РФ, указывает и приведенное выше информационное письмо Президиума ВАС РФ № 156.

Таким образом, основополагающие принципы российского права вытесняют применение иностранного права уже в рамках позитивной оговорки о публичном порядке (п. 1 ст. 1192 ГК РФ).

В тех странах, где позитивная и негативная оговорки не разнесены по разным статьям правового акта<sup>9</sup>, судья в рамках одной статьи может применять все социальные нормы, включая нормы права, морали и др.

### **Этап 3. Нормы непосредственного применения (сверхимперативные нормы) другой страны, имеющей тесную связь с отношением (п. 2 ст. 1192 ГК РФ)**

В соответствии с п. 2 ст. 1192 ГК РФ суд может принять во внимание императивные нормы права другой страны, имеющей тесную связь с отношением, если согласно праву этой страны такие нормы являются нормами непосредственного применения. В качестве критериев возможности применения таких норм, суд обязан учитывать как назначение, так и характер таких норм, а также *последствия их применения или неприменения*.

В пункте 11 Постановления Верховного Суда РФ № 24 (2019) указано на три ограничения применения сверхимперативных иностранных норм, имеющих тесную связь с отношением. Суд обязан отказать в применении таких норм, если их характер и назначение *несовместимы* с публичным порядком, если они *затрагивают* суверенитет или безопасность РФ, если эти нормы *нарушают* закрепленные в Конституции права и свободы российских граждан и юридических лиц.

Таким образом, все указанные ограничения связаны с публичными интересами (конституци-

<sup>6</sup> Международное частное право : учебник / отв. ред. Г. К. Дмитриева. 3-е изд., перераб. и доп. М. : Проспект, 2012. С. 159.

<sup>7</sup> Постановление ФАС Северо-Западного округа от 06.11.2013 по делу № А56-23769/2013 ; постановление ФАС Северо-Западного округа от 06.03.2012 по делу № А56-49603/2011 ; постановление ФАС Северо-Западного округа от 28.12.2009 по делу № А21-802/2009 // Документы опубликованы не были. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

<sup>8</sup> Смирнов Д. А. О понятии принципов права // Общество и право. 2012. № 4. С. 29–37.

<sup>9</sup> См., например: «Клаузула об оговорке (публичный порядок)», § 6 Закона Австрии о международном частном праве 1978 г.; ст. 24 Вводного закона к Гражданскому закону Латвии (ред. 2015) [и др.] // URL: <https://pravo.hse.ru/intprilaw/doc/040101> (дата обращения: 18.08.2020).

онно значимыми ценностями) отечественного правопорядка.

**Этап 4. Соглашение сторон о выборе применимого права (ст. 1210 ГК РФ, ст. 6 Венской конвенции 1980 г.)**

В пункте 10 Постановления Пленума Верховного Суда РФ № 24 (2019) указывается, что «в части, не урегулированной нормами непосредственного применения, *не исключается* применение к спорным правоотношениям права, определенного в соответствии с соглашением сторон о выборе применимого права».

Такой *исключительный* случай представляет, в частности, ст. 6 Конвенции Организации Объединенных Наций о договорах международной купли-продажи товаров (Вена, 1980). Стороны договора могут исключить применение Конвенции и вместо ее положений указать в качестве применимого иное право, несмотря на то, что это трансграничное частноправовое отношение входит в предметную, территориальную, персональную и временную сферы применения Конвенции<sup>10</sup>.

Учитывая этап 4 данного алгоритма, важно помнить, что оговорка, подобная ст. 6 Венской конвенции 1980 г., является в международных договорах, содержащих материально-правовые нормы, не правилом, а исключением. Унифицированная материальная норма, как правило, императивна, она исключает возможность устранить ее действие соглашением о выборе применимого права.

**Этап 5. Международные договоры РФ, содержащие материально-правовые нормы (п. 1, 3 ст. 1186 ГК РФ)**

В соответствии с Конституцией РФ (п. 4 ст. 15), ГК РФ (п. 2 ст. 7), СК РФ (ст. 6) и др., международные договоры РФ являются специальными нор-

мами, что предусматривает приоритетное их применение по отношению к общим нормам российского законодательства. В иерархии правовых актов, закрепленной в п. 1 ст. 1186 ГК РФ, международные договоры РФ также указаны первыми. В пункте 3 ст. 1186 ГК РФ установлена первоочередность применения международных договоров, содержащих материально-правовые нормы, над правовыми актами (международными и национальными), содержащими коллизионные нормы.

Таким образом, унифицированные материально-правовые нормы применяются к частноправовым отношениям, осложненным иностранным элементом, минуя коллизионную стадию.

Указанное положение корректируется двумя правилами:

- в случае совпадения сферы применения между универсальными, региональными и двусторонними договорами коллизия между такими нормами разрешается в обратной последовательности. Исключением является правило, в соответствии с которым государство при заключении двусторонних договоров не вправе отступать от императивных предписаний региональных и универсальных договоров<sup>11</sup>;
- в соответствии с общим правилом коллизия между специальными нормами и общими нормами международных договоров разрешается в пользу специальных, если нормами таких договоров не установлено иное<sup>12</sup>.

**Этап 6. Международные договоры РФ, содержащие коллизионные нормы (п. 1, 3 ст. 1186 ГК РФ)**

При отсутствии международного договора РФ, содержащего материально-правовые нормы, суд определяет применимое право на

<sup>10</sup> Асосков А. В. Венская конвенция ООН 1980 года о договорах международной купли-продажи товаров: постатейный комментарий к положениям, определяющим сферу ее применения. М.: Инфотропик Медиа, 2013; Канашевский В. А. Международное частное право: учебник. 4-е изд. перераб. и доп. М.: Международные отношения, 2019. С. 428–429; Малкин О. Ю. Правовое регулирование выбора права сторонами договора. М.: Изд-во СГУ, 2008. С. 47–52.

<sup>11</sup> Международное частное право: учебник / отв. ред. Г. К. Дмитриева. С. 103–104.

<sup>12</sup> Постановление Пленума Верховного Суда РФ № 24 (2019).

основе коллизионных норм международного частного права. Такие нормы могут содержаться как в международных договорах РФ, так и во внутригосударственном праве РФ. Установленное в законодательстве РФ правило о приоритете норм международных договоров разрешает конфликт между унифицированными и национальными коллизионными нормами в пользу первых<sup>13</sup>.

#### **Этап 7. Коллизионные нормы законодательства РФ (п. 1 ст. 1186 ГК РФ)**

При отсутствии коллизионных норм международных договоров РФ, под действие которых должно подпадать соответствующее трансграничное правоотношение, суд руководствуется коллизионными нормами законодательства РФ.

Указанное положение корректируется двумя правилами:

- по определенным вопросам следует применять специальные коллизионные нормы российского законодательства (например, нормы гл. XXVI КТМ РФ, нормы разд. VII СК РФ);
- коллизионные нормы разд. VI ГК РФ применяются судом при отсутствии в соответствующем специальном законодательном акте норм об общих положениях коллизионного права в указанной сфере<sup>14</sup>.

#### **Этап 8. Обычай, признаваемый в РФ (п. 1 ст. 1186, п. 11 ст. 1211 ГК РФ)**

В доктрине отмечается, что указанный в п. 1 ст. 1186 ГК РФ обычай, для того чтобы являться источником норм международного частного права, должен обладать двумя характеристиками: во-первых, обычай должен быть санкционирован государством (Российской Федерацией), во-вторых, должен устанавливать коллизионные нормы. Обычай, не содержащий колли-

зионную норму, применяется после решения коллизионного вопроса в пользу российского права<sup>15</sup>.

Норма п. 11 ст. 1211 разд. VI ГК РФ содержит еще одно правило об обычаях, связанных с использованием сторонами договора торговых терминов, принятых в международном обороте. В отношении указанной нормы в п. 38 Постановления Пленума Верховного Суда РФ № 24 (2019) содержится два пояснения:

- для договоров, где стороны, без ссылки на Инкотермс, использовали определенные международные торговые термины, относящиеся к Инкотермс, применяются правила Инкотермс в той редакции, которая действовала на дату заключения договора;
- использованные сторонами в договоре положения Инкотермс имеют приоритет над диспозитивными нормами договорного статута.

#### **Этап 9. Право государства, с которым гражданско-правовое отношение, осложненное иностранным элементом, наиболее тесно связано (п. 2 ст. 1186 ГК РФ)**

На тот случай, когда невозможно определить право, подлежащее применению на основании международных договоров РФ, законодательства РФ и обычаев, признаваемых в РФ, пункт 2 ст. 1186 ГК РФ закрепляет принцип наиболее тесной связи. В пункте 6 Постановления Пленума Верховного Суда РФ № 24 (2019) указаны *два коррелирующих между собой критерия* для определения судом права страны, с которой гражданско-правовое отношение, осложненное иностранным элементом, наиболее тесно связано. Суд должен определить *преобладающую территориальную связь* различных элементов трансграничного правоотношения с правом того государства, нормы которого позволяют наилучшим образом реализовать *общепризнанные*

<sup>13</sup> В доктрине отмечается, что национальное законодательство по отношению к международным договорам (в частности, в области международных перевозок) применяется субсидиарно. Это происходит в тех случаях, когда какой-то вопрос не урегулирован международным договором либо коллизионная норма международного договора отсылает к национальному законодательству (см.: Канашевский В. А. Указ. соч. С. 498).

<sup>14</sup> Постановление Пленума Верховного Суда РФ № 24 (2019).

<sup>15</sup> Международное частное право : учебник / отв. ред. Г. К. Дмитриева. С. 88.

принципы гражданского права и построения отдельных его институтов.

*Преобладающая территориальная связь* устанавливается судом с учетом связи права конкретного государства с элементами трансграничного частноправового отношения (гражданство, место жительства, место исполнения обязательств, место объекта гражданских прав и др.).

*Принципы, принимаемые судом во внимание:* предпочтительность сохранения действительности сделки, защита добросовестной и слабой стороны, запрет злоупотребления правом, запрет необоснованного отказа от исполнения обязательства и др.<sup>16</sup>

Следует отметить, что указанный в постановлении Пленума Верховного Суда РФ № 24 (2019) подход к определению судом наиболее тесной связи перекликается с подходом, закрепленным в Книге IV (Коллизии законов) Гражданского кодекса Луизианы 1825 г. (в редакции Закона 1991 г.)<sup>17</sup>.

Установленный в Книге IV ГК Луизианы механизм определения наиболее тесной связи, по сути, опирается на те же *два критерия: конкретные публичные интересы / принципы / политики (policies) и коллизионные презумпции (территориальные связи)*. Первый критерий (публичные интересы) в механизме поиска наиболее тесной связи необходим правоприменителю для выявления и взвешивания публичных интересов, затронутых в том или ином правоотношении. Второй критерий (территориальные связи) — для выбора из указанного в законодательстве списка тех коллизионных привязок, которые максимально обеспечивают эти публичные интересы (принципы, политики). Это позволяет правоприменителю при решении трансграничных частноправовых споров руководствоваться публичными интересами / политиками, закрепленными в законодательстве.

В частности, для договорных отношений (ст. 3537 ГК Луизианы) при определении наиболее тесной связи судья должен руководство-

ваться публичными интересами / политиками, поощряющими межгосударственные коммерческие связи, защищающими добросовестную сторону и др. Законодатель указывает и ряд территориальных контактов, которые помогают выявить наиболее тесную связь правоотношения с правом того государства, которое максимально защищает вышеуказанные публичные интересы / политики. В числе таких контактов законодатель Луизианы указывает коллизионные критерии, применяемые для договорных отношений (место жительства и место коммерческой деятельности сторон, место переговоров, заключения и исполнения договора, местонахождение предмета договора и др.).

Подход к определению наиболее тесной связи на основе учета судьей конкретных публичных интересов закреплен в Книге IV ГК Луизианы также для семейных, вещных, внедоговорных, наследственных и других видов частных трансграничных правоотношений.

В основе установленного в ГК Луизианы механизма (метода) поиска наиболее тесной связи (ст. 3515) лежит правило, по которому любой вопрос в деле, имеющем связи с другими государствами (за исключением положений об ином в Книге IV), регулируется правом государства, политикам / публичным интересам которого был бы нанесен наиболее серьезный ущерб, если бы его право не было применено к этому вопросу.

Подход к определению наиболее тесной связи на основе установленных в законодательстве конкретных интересов публичного порядка является объективным и точным.

Таким образом, интересы публичного порядка диктуют правила определения права, подлежащего применению к частноправовым отношениям, осложненным иностранным элементом. Этот процесс в Российской Федерации регулируется на основе установления законодателем (первый — восьмой этапы алгоритма) и правоприменителем (частично третий, а также девятый этап алгоритма) наиболее тесной связи интересов

<sup>16</sup> Постановление Пленума Верховного Суда РФ № 24 (2019).

<sup>17</sup> Civil Code. Louisiana Laws // URL: <https://law.justia.com/codes/louisiana/2011/cc/cc3515/> (дата обращения: 18.08.2020).



коллидирующих публичных порядков (право-порядков) с элементами трансграничного правоотношения. На первом, втором и третьем этапах алгоритма доминируют интересы отечественного публичного порядка (правопорядка). На четвертом этапе алгоритма публичные интересы в части, не урегулированной сверхимперативными нормами, соотносятся с соглашением сторон о выборе применимого права. На пятом —

восьмом этапах алгоритма правоприменитель руководствуется правилами, установленными законодателем на основе учета коллидирующих в трансграничных правоотношениях интересов публичных порядков. На последнем, девятом этапе алгоритма применимое право устанавливается судьей на основе наиболее тесной связи интересов публичных порядков (правопорядков) с элементами трансграничного правоотношения.

### БИБЛИОГРАФИЯ

1. Асосков А. В. Венская конвенция ООН 1980 года о договорах международной купли-продажи товаров: постатейный комментарий к положениям, определяющим сферу ее применения. — М. : Инфотропик Медиа, 2013.
2. Канашевский В. А. Международное частное право : учебник. — 4-е изд., перераб. и доп. — М. : Международные отношения, 2019. — 1064 с.
3. Малкин О. Ю. Правовое регулирование выбора права сторонами договора. — М. : Изд-во СГУ, 2008. — 157 с.
4. Международное частное право : учебник / отв. ред. Г. К. Дмитриева. — 3-е изд., перераб. и доп. — М. : Проспект, 2012. — 656 с.
5. Раапе Л. Международное частное право. — М. : Иностранная литература, 1960. — 607 с.
6. Смирнов Д. А. О понятии принципов права // Общество и право. — 2012. — № 4. — С. 29–37.

*Материал поступил в редакцию 9 июля 2020 г.*

### REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Asoskov A. V. Venskaya konvenciya OON 1980 goda o dogovorah mezhdunarodnoj kupli-prodazhi tovarov: postatejnyj kommentarij k polozheniyam, opredelyayushchim sferu ee primeneniya. — M. : Infotropik Media, 2013.
2. Kanashevskij V. A. Mezhdunarodnoe chastnoe pravo : uchebnik. — 4-e izd., pererab. i dop. — M. : Mezhdunarodnye otnosheniya, 2019. — 1064 s.
3. Malkin O. Yu. Pravovoe regulirovanie vybora prava storonami dogovora. — M. : Izd-vo SGU, 2008. — 157 s.
4. Mezhdunarodnoe chastnoe pravo : uchebnik / otv. red. G. K. Dmitrieva. — 3-e izd., pererab. i dop. — M. : Prospekt, 2012. — 656 s.
5. Raape L. Mezhdunarodnoe chastnoe pravo. — M. : Inostrannaya literatura, 1960. — 607 s.
6. Smirnov D. A. O ponyatii principov prava // Obshchestvo i pravo. — 2012. — № 4. — S. 29–37.